

— Игорь Владимирович, что сыграло решающую роль в выборе вами профессии?

— Отец мой не хотел, чтобы я стал артистом. Но дети чаще подражают тому, что делают родители, чем слушают то, что они говорят. В октябре 1917 года я поступил в студию при театре имени В. Ф. Комиссаржевской, которой руководил брат великой актрисы Ф. Ф. Комиссаржевский. С тех пор играю на сцене. Так что нынешний год — год 60-летия Великого Октября — для меня юбилейный вдвойне: ведь мне предстоит отмечать еще и 60-летие своей артистической работы. С удовлетворением могу сейчас сказать, что вся она была отдана утверждению нового, подлинно народного искусства.

— До поступления в студию Вы играли в домашнем театре. Можно ли на этом основании считать, что Вы начали с самодеятельности?

— С большой натяжкой. В то время по-настоящему развитой самодеятельности не было. Существовали отдельные объединения увлеченных людей. Отец, например, участвовал в постановках при обществе трезвости пригородной фабрики, а затем в Московском охотничьем клубе. Однако подобных коллективов было не много, и не каждый мог найти в них дорогу. Подлинно массовой стала самодеятельность лишь в советское время.

— Вы работали со многими выдающимися режиссерами. Кто из них оказал на Вас наибольшее влияние?

— Константин Сергеевич Станиславский. Хоть в МХАТе я работал недолго, репетиции в нем запомнились на всю жизнь.

— Сейчас в режиссерской работе Вы пользуетесь системой Станиславского?

— Система Станиславского динамичная, развивающаяся. В свое время Константин Сергеевич говорил, что большой актер на основании его системы должен создавать собственную. У наиболее выдающихся учеников Станиславского всегда был свой почерк. И сейчас неповторимыми индивидуальными чертами отличаются старейшины МХАТа Григорий Кторов, его нынешние ведущие актеры Евстигнеев, Ефремов, да и многие другие.

— Вы часто встречались с Маяковским, вместе работали над постановкой «Клопа». Какие события и впечатления, связанные с этими встречами, запомнились Вам больше всего?

— Когда театр Мейерхольда готовил «Мистерию-буфф», а позднее «Клопа», в котором я играл главную роль, Маяковский часто приходил на репетиции. Сам разыгрывал отдельные сцены, принимая фактически функции постановщика. Одновременно по просьбе режиссера вносил изменения в текст своей пьесы. Этот пример неплохо было бы перенять некоторым современным драматургам. Иногда Владимир Владимирович по-

ного персонажа нужно руководствоваться правилом Станиславского: искать в добром злое, а в злом доброе. Конечно, понимать это нужно широко, не оправдывать зло.

— Вы играли вместе со многими знаменитыми актерами, даже с Валерией Барсовой...

— Я действительно начинал в оперном театре. Однако только как статист и драматический актер. Никогда дуэтов не пел. Впрочем, не пел и со-ло, не считая неудачной по-

терянного в громадном, суматошном мире.

— Техника кино за последние десятилетия значительно шагнула вперед. И все же «Волга-Волга» и сейчас сматрится лучше некоторых новых комедий. Чем Вы объясняете успех фильма?

— Оптимистическим, светлым духом, созвучным эпохе, великолепной музыкой Дунаевского и игрой Любови Орловой. Считаю, что и мне роль Бывалова, типичного бюрократа 30-х годов, удалась. Правда, журнал «Искусство кино» в год создания фильма писал: «Бывалов в картине лишний...». Но зрители рассудили по-другому. Огурцов из «Карнавальная ночь» тоже сродни Бывалову.

— Комедийных фильмов у нас выходит не так мало. К сожалению, трудно назвать действительно яркие...

— Не совсем так. Мне очень нравятся комедии Эльдара Рязанова. «Берегись автомобиля», «Ирония судьбы, или С легким паром», — на мой взгляд, фильмы блестящие. У режиссера великолепное чувство такта, понимание музыки, ритмов.

— Считаете ли вы смех самым действенным оружием в борьбе со всем отживающим?

— Да, я за смех. Но ведь смех тоже бывает разный. Бывает содержательный, освещающий, бывает простое хихиканье. Для меня смех остается самым острым, самым действенным оружием. В этом я не оригинален. Еще великий Гоголь говорил: «Смеха боится даже тот, кто ничего на свете не боится».

— В телефильме «Эти разные, разные, разные лица» поставленном по рассказам Чехова, Вы исполняете все роли, в общей сложности их около двадцати пяти...

— Двадцать четыре, в том числе и женские.

— Насколько сложно это было?

— Для современной киотехники — дело обычное. Для меня же было не так сложно, как трудно физически.

— Приходится ли Вам играть маленькие роли?

— Довольно часто, начинал я именно с них. Кстати, на фестивале спектаклей, посвященных XXV съезду КПСС, я получил «Золотую маску» за маленькую роль.

— Над чем Вы сейчас работаете?

— Готовлю с режиссером Борисом Равенских наверное самую сложную роль в своей жизни — Льва Толстого. Спектакль выйдет к его 150-летию. Роль архитрудная.

РАССКАЗЫВАЕТ ИГОРЬ ИЛЬИНСКИЙ

В Киеве с большим успехом проходили гастроль Государственного ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции академического Малого театра СССР. На вопросы корреспондента РАТАУ Н. ЛЕЛИКОВА отвечает один из ведущих актеров театра, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР И. В. ИЛЬИНСКИЙ.

ходу репетиции вводил новые реплики.

— Посещения театра — это праздник, это соперничество, а иногда и потрясение. Какие постановки потрясли Вас как зрителя?

— Могу назвать несколько спектаклей. Лермонтовский «Маскарад», поставленный Мейерхольдом в Александринском театре (ныне театр имени Пушкина в Ленинграде), «Дни Турбиных» Булгакова в первой мхатовской постановке, с великолепным исполнением ролей Соколовой, Добронравовым, Ершовым, Яншиным, Прудкиным, «Петербургские сновидения», поставленные Завадским по роману Достоевского «Преступление и наказание». Недавно в молодежном театре на Красной Пресне режиссер Вячеслав Спесицев поставил спектакль по роману Василия Шукшина о Степане Разине «Я пришел дать вам волю...».

— К стати, в детстве Вы увлекались детективами?

— Примерно в десятилетнем возрасте.

— Какая из сыгранных ролей у вас любимая?

— Все роли, как дети, папынчиков у меня нет.

— Если гений и злодейство — вещи несовместимые, можно ли гениально сыграть злодея?

— Написать ведь можно. Значит — и сыграть тоже. При проникновении в человеческую сущность отрицатель-

пытки Бывалова в «Волге-Волгах».

— Не пели, однако вместе играли. Кто из партнеров по сцене произвел на вас наиболее сильное впечатление?

— Много встречалось замечательных партнеров. Наиболее запомнился, пожалуй, Прох Михайлович Садовский. Когда я поступил в Малый театр, на сцене которого играю уже почти сорок лет, он отнесся ко мне сначала настороженно, с долей недоверия. Он ведь знал меня как комик-трюкача из театра Мейерхольда и кинематографа. Однако вскоре поверил в меня как актера, и я часто чувствовал его доброе ко мне участие.

— Где Вам интереснее всего работать — играть на сцене, сниматься в кино или на телевидении, выступать с художественным чтением?

— Скажу то же самое, что и о ролях: все люблю. Последние годы я успешнее всего работал, пожалуй, на телевидении.

— Кто из комиков мирового экрана наиболее импонирует Вам?

— Чарли Чаплин. Сразу говорю, он, пожалуй, единственный, кому удалось создать маску, вмещающую очень многое. Однако даже при этом он с годами от нее отошел. Мне нравится Чаплин и в ранних короткометражках, в которых он великолепно играет маленького человека, по-

— 9 ИЮЛ 1977

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ДОНЕЦ

Г. Донец